

27.11.01

Мейер-Топсое Elizabeth
nebuca

Штраус за семью покрывалами Концерт РНО

Монопрограмму осилит не каждый. Вставший на этот путь маэстро, безусловно, имеет что сказать публике. У него должна быть идея, свое видение, некая цель. Владимир Спиваков, недавно бисировавший песнями Рихарда Штрауса совместное выступление с Джесси Норман, отдал во власть музыки великого немца целый концерт, который провел с РНО в Большом зале консерватории. Мастерски выстроенная программа дала возможность публике услышать редко исполняемого у нас позднего Рихарда Штрауса — его гобойный концерт и "Четыре последние песни" для сопрано и оркестра. Оба опуса к тому же открывают нам инструментальный концертный стиль маэстро и его мастерство в области камерной вокальной музыки, что само по себе ценно, поскольку публика наша более приучена к звучанию программных, масштабных симфонических поэм композитора. В этом концерте "прозвучал" ярко и многомерно Штраус-стилист, апеллировавший в концерте для гобоя к моделям барочной и классицистской эстетики, а в оркестровой сюите из оперы "Кавалер розы" — к жанру венского вальса. Спиваков как истинный стратег направил эмоциональный вектор концерта к его финалу, где царствовал безраздельно. В первом же отделении он оставался будто бы в тени солистов.

Алексей Уткин, чье имя числится под номером один в современной российской гобойной табели о рангах, в прочтении штраусовского концерта обнаружил на редкость пассивное отношение к идеям композитора. Части этого сочинения, следующие по замыслу Штрауса без перерыва, слились в единый поток гобойных реплик, в коих не проявились ни эмоциональный, ни жанровый контраст, ни стиливая игра, ни неожиданность изящных поворотов мысли. Уткин сыграл "сухость" старца, уставшего от экзальтированной романтики, увлекавшей его в начале пути, от экспрессионистских эмоциональных извращений знаменитых "Саломеи" и "Электры" и оркестрового пиришества последующих. Инструмент звучал ярко и однообразно. Спиваков, давший солисту карт-бланш, аккомпанировал очень корректно, но, быть может, излишне нивелируя оркестровую партию, из-за чего концертное исполнение солиста приняло тотальный масштаб и диалога не получилось.

За Уткиным явилась Элизабет Мейер-Топсое — одна из признанных ныне лучшими исполнительниц музыки немецкого романтизма, Вагнера, Рихарда Штрауса. Информация о певице, которую Москва слышала впервые, гласила: внимание, это мировой уровень, — поскольку по службой список г-жи Мейер-Топсое — это ведущие партии в операх Вагнера, Р.Штрауса на престижных европейских, в большинстве своем немецких, оперных подмостках. К тому же она училась у Биргит Нильсон, пела на стокахольмских торжествах по случаю 80-летия знаменитой вагнеровской дивы, да и единственная из нешведских певиц получила награду ее имени. Плюс к тому — программа из "Четырех последних песен", которые Мейер-Топсое включила в свой дебютный диск (1994), занявшая высокую позицию в топе журнала Gramophon. Однако ожидаемое не соответствовало действительности. Ровный голос, не грешащий излишним вибратором (что, безусловно, плюс), не поразил ни красотой тембра, ни мощью, ни какими-то ярко индивидуальными красками и, более того, казался стертым в нижнем регистре. Мейер-Топсое вела мелодическую линию песен, будто пела вокализ, не заостряя внимания на словах, теряя звучание смыслов. То, что не сказано было ею, сыграл оркестр, старавшийся быть максимально выразительным, но все-таки в достаточной мере скованный присутствием главной героини.

Зазвучать во всю мощь и со всем пылом страсти ему посчастливилось во втором отделении. Признанный интерпретатор венских вальсов Иоганна Штрауса Владимир Спиваков, как никто другой, сумел передать головокругительные танцевальные па, сочиненные Штраусом-тезкой для "Кавалера розы". Вовлеченные в эту стихию Спиваков и РНО учинили апофеоз жанра в знаменитом "Танце семи покрывал" из "Саломеи". Цель была достигнута: открывая публике Штрауса разного, снимая одно покрывало за другим, Спиваков будто бы обнажил суть композитора перед публикой, ощутившей в финале колоссальную привлекательность его музыки и полюбившей Рихарда целиком, без остатка за это пиришество звука и харизматичность танца.

Анна ВЕТХОВА

Кудрявцева - 2001 - 16 - 21 ноября - с. 10

185